

О Т З Ы В

на автореферат и текст диссертации В.П. Богданова

«Записи на книгах как источник по истории книжной культуры (на материале старопечатных кириллических изданий конца XV-XVIII вв.)»,

представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 - Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Представленная на соискание степени доктора исторических наук В.П. Богдановым работа «Записи на книгах как источник по истории книжной культуры (на материале старопечатных кириллических изданий XV-XVIII вв.)» должна была явиться важным шагом на пути к реализации давно поставленной задачи - создания сводной базы данных по информации, полученной исследователями экземпляров старопечатных изданий. О важности такой базы неоднократно говорилось на конференциях и в статьях (о чём автор пишет в своём тексте). Привлечение к анализу в рамках одного исследования почти 16-ти тысяч записей производит серьезное впечатление. Столь обширный корпус источников мог бы дать возможность автору обратить внимание на множество ценных сведений, касающихся разных сторон жизни русского общества.

Само название диссертационной работы не обладает новизной, поскольку исследования с аналогичными заглавиями и содержанием неоднократно публиковались, и приведены автором в списке библиографии. Но значительный объем работы позволял надеяться, что она обобщает достижения десятков ученых и выводит на новый уровень понимание существенных вопросов истории книжной культуры. Однако текст удивляет несоответствием масштаба, постановкой задач и отсутствием новизны в основных выводах.

В работе в основном использованы Каталоги, составленные в рамках программы изучения региональной книжности, авторами которых являются археографы МГУ и сотрудники местных фондохранилищ. Данные каталоги построены по методике описания экземпляров старопечатных книг И.В. Поздеевой, поэтому вызывает удивление, что автор ссылается только на пятое издание этой методики, подготовленное для археографической школы (Ростов, 2006 г.), хотя сам автор, как и все студенты этих лет, учились описывать старопечатную книгу по более ранним изданиям. Каждое описание в этих Каталогах построено соответственно этой методике, что создает единообразие информации, и существенно облегчает использование ее в базе данных.

Одним из важнейших разделов этой методики является подробно разработанные способы описания и передачи текста записей (листы, на которых прочитана запись, почерк и подробные указания передачи подлинного текста, а также его датировка). Именно эта методика

и создала первую возможность составления базы данных, отражающей разнообразную информацию записей. Следующим шагом к упрощению этой задачи стала разработка и осуществление в описаниях системы аннотированных указателей, в которых была учтена и структурирована вся информация записей и описания экземпляров. В систему входят указатель датированных записей, именной, географический, а также указатель с записями цен на книги и др.

В именованном указателе под каждым именем сообщались социальный статус человека и номера описаний всех книг, связанных с этим человеком, причем указывалось также отношение человека к книге (владелец, покупатель, вкладчик) и возможно точная датировка записи. В географическом указателе в отдельных рубриках, посвященных церквям и монастырям также указаны все принадлежащие им книги. Например, в Каталогах Ростово-Ярославской земли учтены более 2000 датированных записей. Все это делалось для того, чтобы максимально уточнить и облегчить исследование книжной культуры России. Поэтому представляется странным, что автор не говорит специально об этой системе, и главное, не указывает авторов обширных региональных указателей, хотя сам участвовал в составлении одного из указателей к тому описанию Ростово-Ярославской земли.

Что касается собственного вклада автора, он, другие студенты, приобретали опыт в ходе описания изданий, наши описания были чисто учебными, многократно проверялись авторами каталогов и составляли незначительную часть общей работы. Хотя наши имена указывались наравне с профессиональными учеными, судить о вкладе студентов можно потому, что из 14 авторов-составителей пермских описаний десять имен профессионалов и четыре имени студентов. В выявлении и идентификации памятников в региональных хранилищах студенты не участвовали.

Новизна и актуальность определяются автором в работе как «необходимость осмысления информационного потенциала указанного вида памятников прошлого и определения его места в общей классификации исторических источников» (Автореферат, С. 3). Но и «осмысление потенциала», и «определение места» уже было проведено в целом ряде исследований, в т. ч. рассмотренных в историографическом разделе. Так же и цель, заявленная как «выявление информационного потенциала записей», видится уже в поставленной как задача целого ряда опубликованных исследований, в которых подробно изложено значение информации записей по самым разным проблемам. Конкретные примеры «новизны» работы также вызывают недоумение. В частности, приведенные в качестве примера «социальные практики», выявленные в ходе исследования, – «охранные формулы» (Автореферат, С. 26) – хорошо известны всем, знакомым с экземплярами старопечатных изданий под названием «формулы проклятия».

Вызывает вопросы принцип отбора источниковой базы. Вряд ли оправдано использование в параграф 5.5 «Социальный состав инициаторов и авторов с охранными формулами» записей, зафиксированных только в каталогах, созданных в результате деятельности Археографической лаборатории МГУ без привлечения дополнительных материалов. Репрезентативность такой выборки оставляет сомнения, а оправданность какими-либо целями не доказана автором. Кроме того, например, при анализе отражения в записях деятельности Строгановых ощутимо отсутствие в базе сведений из собраний, не вошедших в выборку.

§ Совершенно противоречиво и указание верхней границы исследования, определенная автором как 1800 г. (Автореферат, С. 3), так как в самой работе постоянно называются исследование источников XIX – начала XX вв. (см. § 5.2, 6 первой главы, § 5 второй главы, § 2.2. третьей главы, § 5.1., 5.2 и 5.3 посвящены старообрядческой книжности XX-XXI вв. Также говорится о книгах дворянства XVIII-XX вв. и др. разделах).

Автор пытается составить некий «общий портрет читателя», он считает, что выборка книг кириллической печати Пермского края, Ростово-Ярославской и Тверской земель и является той совокупностью, которая делает ее репрезентативной. Хотя из этого перечня необходимо исключить комплекс книг Тверской земли, так как, хотя он и передает некоторые особенности тверской книжности, но, как указано в Каталоге, не является репрезентативным, поскольку многие книги погибли в ходе Великой Отечественной войны. В.П. Богданов не включает в свою базу данных описания книг, сделанных учеными СПб на Русском Севере, описания школы М.Н. Покровского из Новосибирска и других областей. Поэтому вызывает сомнение репрезентативность выборки только некоторых регионов для общей характеристики книжности России XVI-XVII вв.

Несомненно, автор проделал большую техническую работу по внесению данных, содержащихся в основном в региональных Каталогах всего нескольких областей, в свою базу данных, однако полученные им результаты повторяют исследования ученых, сделанные ранее в регионах. Выводы носят совершенно общий характер, в них нет научной новизны и выраженных особенностей как региональной книжности, так и их общих черт, которые автор получил в результате исследования им представленной базы данных или хотя бы сравнения ее результатов по самым важнейшим проблемам диссертации с результатами многочисленных исследований региональных книжных комплексов. Значительная часть которых учтена в библиографии работы.

Помимо важной задачи создания базы данных, о которой уже упоминалось выше, среди поставленных автором задач особый интерес представляет реконструкция книжных собраний. Однако текст соответствующих параграфов не дает основания увидеть в базе данных по

записям более надежный источник сведений о книжных собраниях, чем описи и писцовые книги. Выявление любого количества книг, принадлежащий одному частному или корпоративному владельцу, не дает ответа на вопрос о том, какие книги были в собрании помимо этих обнаруженных экземпляров. Как и в случае с генеалогией или хронологическими списками представителей некоторых социальных групп, записи на книгах могут служить только для уточнения информации, в основном получаемой из других источников. (Редчайшее исключение – это перечень книг владельца, сделанный им на пустых листах экземпляра.)

Несомненно, информация о записях на разных типах печатных книг и их конкретных изданиях, во многом бы была более полной и точной, если бы автор обратился к документации Приказа книг печатного дела, в котором, как уже показано во многих публикациях, имеются материалы об этих изданиях.

Возникают вопросы и в отношении исследования отдельных аспектов книжной культуры. Например, в параграфе «Социальные аспекты бытования изданий XVI–XVIII вв.» удивляет отсутствие разделения книг XVIII в. на изданные в синодальных и в старообрядческих типографиях, поскольку, совершенно очевидно, судьбы этих книг и социальные слои, их использующие, совершенно различны. В параграфе «Книга как объект купли-продажи» остаются нерешенными вопросы сопоставимости цен, известных по записям за разные годы (учитывая колебания в стоимости денежных единиц) и, тем более, в разных регионах (учитывая разную стоимость доставки, разную доступность альтернативных изданий и прочие факторы), что ставит под сомнение оправданность выводов автора. К сожалению, вызывает удивление и отрицание автором даже для второй половины XVII века наличие общерусского книжного рынка, не приводя каких-либо убедительных аргументов этого, кроме различной в регионах цены одного и того же издания.

Еще более странным является в диссертации, посвященной книжной культуре России, отсутствие на указания, что на Печатном дворе в XVII веке были изданы сотни тысяч Азбук, многие десятки тысяч являвшихся тогда учебниками Часовников и Учебных Псалтырей (которые именно так назывались на Печатном дворе). В результате В.П. Богданов возвращается к точке зрения Н.П.Киселева середины XX века, который, не зная об издании учебной литературы (Азбук), не включенных в Каталог А.С. Зерновой из-за отсутствия их экземпляров, отрицал значение деятельности Печатного двора XVII века для просвещения народа. Данная точка зрения аргументировано и последовательно опровергнута в работах университетских археографов.

В целом, при бесспорной ценности многих конкретных наблюдений, сделанных в работе на основе огромного количества привлеченных к анализу записей, чтение выводов очень часто оставляет ощущение повторения того, что уже было сказано предшественниками.

Отсутствие ссылок на ряд опубликованных на эту тему научных работ авторов, что является недостатком для представленной докторской диссертации, но позволяет В.П. Богданову подчеркивать новизну выводов представленной работы. Прежде всего речь идет о записях на старопечатных книгах с точки зрения круга социального состава людей, эти книги использовавших. Эти проблемы были поставлены и уже решены в работах, посвященных как анализу распространения отдельных изданий, так и анализу социального состава региональных комплексов (исследования А.В. Дедыкина – распространение издания Пролога, В.В. Соломина – Поучение Ефрема Сирина и аввы Дорофея и т.д., а также Ю.С. Белякина, Г.П. Волгириевой и И.С. Поздеевой по материалам описаний Пермского края и т.д.).

К сожалению, в работе прослеживается много как исторических ошибок, так и ошибок в арифметических подсчетах. Например: стр. на 111-112 указано общее количество использованных автором - 15880 записей. Из них авто выделяет 8238 (56% от общего числа записей), 4989 (32% - с точностью до 10-летия), 4956 (32% с точностью до года). В итоге получаются 18 183 записи и 120%. В остальных случаях хочется надеется, что точность подсчетов найдет отражение в отзывах официальными оппонентами диссертации.

Хотелось бы отметить, что с текстов представленной диссертации очень сложно работать, так как структурно она состоит из трех томов и приложения (том четвертый), общим объемом более 700 страниц, при этом даже не имеющих сплошной нумерации.

Таким образом, приходится сделать вывод о том, что в работе нет необходимой новизны ни в постановке задач исследования, ни в методике работы с источниками, ни в выводах, в которых ожидалось бы конкретные новые результаты, полученные в связи с составленной базой данных. Кроме того, работа не выправлена, в ней значительное количество опечаток и просто ошибок, очевидно, что представленная диссертация не соответствует требованиям, предъявляемым к работам, претендующим на получение степени доктора исторических наук.

Ответственный редактор
журнала «Исторический архив»,
специалист 1-й категории РГАСПИ

Черноусова О.Р.

Черноусовой О.Р.

Удостоверено

Рубинский специалист

О.В. Любина